

Ева Де Ла Круз

Он был
первым
-НЕ-
во всём

18+

Ева Де Ла Круз

Он был первым — НЕ — во всём

«Автор»

2026

Де Ла Круз Е.

Он был первым — НЕ — во всём / Е. Де Ла Круз — «Автор»,
2026

Он был первым во всём. Первым, кто взял её за руку, первым, кто прочитал ей стихи, первым, кто поделил с ней тишину съёмной квартиры. Семь лет их история казалась нерушимой, пока один вечер не поставил под сомнение всё, во что она верила. Случайная встреча, запретный взгляд, ночь, которую невозможно забыть, — и вот она уже не узнаёт себя. Между привычным теплом и неизведанной страстью, между долгом перед тем, кто дал ей всё, и голосом тела, требующим большего. Как понять, кто ты на самом деле, когда прежняя жизнь трещит по швам? Этот роман — не просто история любви. Это честный разговор с собой, поиск ответа на вопрос, который каждая из нас боится задать: имею ли я право на счастье, если оно разрушает чужое? Основано на реальных событиях. Рассказ от лица той, кто решилась переступить черту и больше не жалеет об этом. Для тех, кто боится признаться себе, что иногда любовь не спасает, а освобождает.

© Де Ла Круз Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Пар	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ева Де Ла Круз

Он был первым — НЕ — во всём

(На реальных событиях)
Ева Де Ла Круз

Пролог

Соня никогда не верила в судьбу. Она верила в факты, в хронологию событий, в заголовки, которые сама же и придумывала для новостных сюжетов. Но если бы ей поручили написать статью о самой себе в семнадцать лет, она бы назвала её так: «Тот, кто научил меня дышать иначе».

Они познакомились в школьном коридоре, где пахло хлоркой и булочками из столовой. Егор стоял у окна, нелепо перебирал струны старой гитары и напевал «Группу крови» — фальшиво, но с таким отчаянием, что Соня остановилась. Он поднял глаза — серые, с золотыми крапинками, — и улыбнулся так, будто знал её всю жизнь. Она тогда подумала: «Странный». А через месяц уже не могла заснуть без его голоса в наушниках.

Первый поцелуй случился на крыше заброшенного гаража, куда он затащил её смотреть на закат. Соня дрожала — то ли от холода, то ли оттого, что его пальцы касались её ладони так осторожно, словно она была из папье-маше. Он повернулся, и их дыхание смешалось в холодном воздухе. Его губы были мягкими и чуть солёными — он только что съел чипсы, и это было до того негероично, что она рассмеялась прямо в поцелуй.

— Что? — испугался он.

— Ничего, — выдохнула она. — Ты пахнешь паприкой.

— Это плохо?

— Это лучше всего, что было.

Он сжал её плечи и прошептал в висок: «Ты моя первая, Сонь. Во всём».

Первое кино — «Титаник», естественно. В маленьком местном кинотеатре, где кресла скрипели, а звук иногда запаздывал. Егор купил билеты, протянул ей руку и сказал: «Теперь мы официальная пара». Она не поняла, что значит «официальная», но когда он обнял её за плечи в сцене, где корабль ломается пополам, и прижал к себе, она поняла: это и есть то самое кино, после которого уже не будешь прежней.

Первое признание — не в лоб, не на коленях, а между делом, за чаем, когда они списывали домашнее задание по литературе. Он вдруг замолчал, посмотрел на неё и сказал:

— Я написал стих. Про тебя.

— Покажи, — попросила она, пряча смущение.

Он прочитал вслух:

«Я не знал, что так бывает —
просыпаться и искать
та, что мне во сне сияет,
я хочу тебя узнать».

Она расплакалась. Потому что до него никто не писал ей стихов. Потому что он сказал это тихо, некрасиво, но так честно, что внутри всё перевернулось.

— Я люблю тебя, — добавил он, и это прозвучало как точка. Без вопросительного знака.

Первый секс — это не про страсть, а про страх. Оба не знали, что делают, и нервничали так, что Егор уронил свечу на пол и чуть не спалил плед. Они смеялись, пока он пытался зажечь новую, а она лежала на его старой кровати в облезлой комнате общежития и смотрела, как он возится с зажигалкой.

— Егор, — позвала она.

— М?

— Иди сюда. Не надо свечей. Я хочу видеть тебя.

И он пришёл. В темноте его руки дрожали, когда он расстёгивал её пуговицы, и она чувствовала, как бьётся его сердце — не где-то рядом, а внутри неё, через касания. Это было неудобно, чуть больно, но когда он замер и прошептал «прости», она обхватила его лицо ладонями:

— Ты мой первый. И не извиняйся за это.

Они лежали потом, переплетённые, и он водил пальцем по её позвоночнику, как по струнам, будто пытался извлечь мелодию.

Первый отпуск — двадцать один год, поездка в Анапу на электричках, в общих плацкартных вагонах, с рюкзаками, набитыми дошираком и дешёвым вином. Он держал её за руку у моря, целовал солёные плечи, и они строили планы о будущем, которое казалось бесконечным. «Мы снимем квартиру, — говорил он, — с большим окном и видом на город. Буду писать тебе стихи на стенах».

Первая съёмная квартира — крошечная «хрущёвка» с жёлтыми обоями и скрипучим полом. Они снимали её на его стипендию и её подработку в местной газете. Егор собрал всю свою коллекцию пластинок, поставил на подоконник горшок с засохшим кактусом — «символ нашей стойкости», — и повесил на стену распечатанное фото из того самого кинотеатра.

Соня помнит, как они впервые покупали продукты вместе: он долго выбирал крупу, а она стояла за спиной и улыбалась, чувствуя себя взрослой. Ночью они засыпали на узком диване, и он всегда укрывал её своим плечом, даже если ему было неудобно.

И вот тот эпизод, который она не забудет никогда.

Тогда они только переехали, и у Егора ещё не было денег на цветы. Но однажды вечером он зашёл в комнату с огромным букетом пионов — красных, пышных, с каплями росы. Соня ахнула:

— Откуда? Ты же на втором этаже, я видела, как ты входил без цветов...

Егор смутился, переминаясь с ноги на ногу.

— Это Антон. Мой троюродный... ну, ты знаешь. Он залез на балкон, когда я был в ванной, и просунул букет в щель между решётками. Сказал: «Передай своей девчонке, раз ты такой бедный». Я его чуть не убил, но, блин, он прав — цветы красивые.

Соня рассмеялась тогда до слёз. Представила, как здоровый парень карабкается по стене дома, рискуя шеей, ради того, чтобы друг мог подарить букет. Антон всегда маячил где-то на периферии их истории — то приносил пиво, то чинил сломавшуюся розетку, то подвозил их на своей разбитой «Ладе». Он был шумным, дерзким, вечно что-то требовал от жизни, и Соня считала его забавным, но не более.

Тогда она ещё не знала, что этот самый Антон, с его голыми руками и лестницами, однажды станет тем зерном, которое рассыплет её веру в непреложность.

Сейчас им по двадцать четыре.

Они всё так же любят Гарри Поттера и рок-музыку, всё так же спорят о книгах и засыпают в обнимку. Егор стал стажёром адвоката, пишет стихи на салфетках в кофейнях и иногда грустит без причины — говорит, так легче творить. Соня работает журналистом в телерадиокомпании, и коллеги боятся её острой речи, но только он знает, как она умеет быть мягкой, когда кладёт голову ему на плечо.

Они кажутся идеальной парой — той самой, что выходит из школьной любви в зрелость, не потеряв огня. Но, как известно, огонь не горит без ветра. А ветер иногда приходит с той стороны, откуда не ждёшь.

Глава 1. Пар

За окнами старой дачи уже несколько часов бесновался ветер, но внутри царила та особенная, рубленая тишина, которая бывает только в компании старых друзей. Мы сидели в гостиной, где пахло деревом и чабрецом, который Соня кинула в заварник. Егор в своей вечной выцветшей футболке группы «Кино» рассказывал Антону про очередную тяжбу, попутно цитируя Бродского. Соня слушала его вполуха, но пальцы её сами собой переплетались с его пальцами под столом. Катя, краснея, что-то искала в телефоне, пока Антон, положив тяжёлую ладонь ей на колено, жестом собственника очерчивал свои границы.

— Ну, мужики, всё. Париться. — Антон хлопнул ладонью по столу, звякнули кружки. — Девки, вы через двадцать минут заходите, полки остынут как раз.

Егор подмигнул Соне. В этом подмигивании была вся их история — семнадцатилетняя тайна, первый робкий поцелуй в кинозале, его неуверенная рука на её спине в их первую ночь. Сейчас, спустя семь лет, он был её воздухом, её привычкой. Она знала каждую родинку на его лопатке, знала, что он любит, когда она перебирает его волосы.

Мужчины ушли. Хлопнула дверь предбанника, послышался плеск воды и довольный смех.

— Красивые они у нас, да? — мечтательно произнесла Катя, глядя на закрытую дверь. — Антон сегодня просто... монстр. Как он смотрел на меня, я чуть не сгорела.

Соня усмехнулась. Ей были чужды эти восторги перед «монстрами». Егор был её поэтом, её нежным циником. Он мог быть под гитару на кухне в три часа ночи, а мог нежно укрыть её пледом, когда она засыпала за книгой. Это было её родное.

Через пятнадцать минут, когда пар в парилке уже, по задумке Антона, остыл до «божественного» состояния, они, обернувшись в простыни, зашли внутрь.

Душно. Жарко. Потолки низкие.

И тут дверь с грохотом распахнулась.

— А мы всё равно с тобой на пару! — голос Антона гулко разнёсся по парилке, взрезая влажный воздух.

Мужчины ворвались внутрь, запыхавшиеся после ледяной купели. Егор с мокрыми волосами, виновато улыбающийся, тянул за собой брата, пытаясь его остановить. Антон же, мокрый, с разгорячённой кожей, походил на языческого бога.

Атмосфера схлопнулась.

Соня вскрикнула от неожиданности, но не от испуга — от смущения, ведь она была почти обнажена. В тесноте парилки, пока Егор пытался прикрыть её спину своим телом от случайных взглядов, Соня краем глаза увидела то, что не должна была.

Антон, выпрямившись во весь рост, даже не думал скрывать свою наготу. Это было не просто тело. Это была порода. Атрибут, о котором шепотом говорят в женских компаниях, но Соня всегда считала это глупым мифом. Оказалось — нет.

Катя, заметив, ахнула, но её глаза горели гордостью.

Антон, перехватив взгляд Сони, чуть заметно усмехнулся, бросая вызов. На долю секунды. Он не смотрел на неё похотливо, нет. Он смотрел как на экзаменуемого.

Сердце Сони гулко ударило в рёбра. Кровь прилила к лицу, но там, внутри, в самом низу живота, разлился странный, почти предательский холод.

Егор стоял рядом, вдруг показавшись ей бледным и мелким. Она знала его тело наизусть. И сейчас, в этом диком контрасте, её мозг, вопреки логике, кристально чётко провёл сравнение.

«А что так можно?..»

Мысль упала в сознание тяжёлым свинцовым зерном. Она не хотела этой мысли. Она любила Егора. Всею душой. Но её разум, привыкший анализировать и сравнивать (журналистское), вдруг, с жёсткой объективностью, зафиксировал этот факт.

Егор обнял её, чувствуя, как она дрожит.

— Прости нас, дураков, — прошептал он в её мокрый висок. — Пошли, я налью тебе квасу.

Он уводил её из парилки, и Соня шла, чувствуя, как его тёплая, чуть шершавая ладонь держит её за руку. Родная, спасительная, знакомая. Но в груди, там, где недавно был покой, заворочалось чужое, тёмное, непрошенное любопытство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.